

Цзинь-эр сегодня встал рано и всё ещё клевал носом. Невестка Ван, увидев это, уложила его на тёплый край кана, прикрыла лёгким одеяльцем. Малыш, подняв голову и убедившись, что Ду Чжунпин сидит рядом, ухватился за полу его одежды и погрузился в дремоту.

Невестка Ван негромко поболтала с Ду Чжунпином, затем пошла в соседнюю комнату и позвала своих сыновей — представиться гостю. Сыновей старосты Ду Чжунпин уже видел: старшему десять лет, младшему пять, оба весьма смышлёные.

От невестки Ван он узнал, что когда староста служил в армии и по году дома не бывало, дети с малых лет помогали по хозяйству, да ещё и родня с её стороны подключалась — так и перебивались.

Об этом Чжао Ба тоже рассказывал — все они глубоко уважали эту женщину, да и её родню в деревне ценили высоко.

Невестка Ван покормила младшего, старший же, быстро управившись с едой, остался беседовать с Ду Чжунпином. Звали его просто по-деревенски — Дачжу, младшего — Эрчжу. Хотя Ду Чжунпин был старше его всего на четыре года, разговор у них шёл живо.

Ду Чжунпин в прошлой жизни вырос на северной окраине, в детстве, до школы, всюю резвился в деревне, так что кое-какие впечатления о сельской жизни остались. Но потом учёба, экзамены — из начальной школы в среднюю, затем в старшую, в университет — и в памяти сохранились лишь смутные светлые образы. Дачжу же с пелёнок рос в деревне, досконально знал и крестьянскую работу, и все детские забавы, потому Ду Чжунпину было с ним интересно.

Невестка Ван смотрела, как Ду Чжунпин разговаривает с её сыном — терпеливо, без тени нетерпения, — и глаза её смеялись.

Люди ведь разные. Этот молодой сюцай из семьи Ду хоть и не заносится, но ведёт себя так, что невольно уважаешь. Даже его слуга, тот Ду Ань, всё делает чинно, складно, глядеть приятно. Цзинь-эр, мал мала меньше, совсем не по-деревенски шумлив, тихий да ласковый — душа радуется. Если её сын будет общаться с такими людьми, перенимать манеры, учиться жить в обществе — в будущем только польза.

Невестка Ван грамоты не знала, но свой расчёт в голове держала твёрдо: хоть оба Ду и молоды, сумели-таки с юга на север добраться, в пути благополучно, на новом месте без проблем обосновались. С Чжао Ба и Фан Шэном ладят отлично, те во всём им помогают. Фан Шэн и так человек внимательный, а вот Чжао Ба — обычно балагур и весельчак, но чтобы он о ком-то так заботился — редкость. Уж о своей семье она молчит — теперь вся деревня только и хвалит. Редко кто так открыто и щедро ведёт дела, да ещё с поддержкой Чжао Ба — никто не рискнёт их обидеть. Иной бывалый и тот на чужбине вряд ли так гладко устроился. Твёрдо решила она: пусть Дачжу побольше у них учится.

Невестка Ван взглянула на солнце, прикинула — свинью, наверное, уже закололи, пора убираться, — и обратилась к Ду Чжунпину:

— Кажется, сейчас начнут прибираться. Побудьте с Цзинь-эром тут подольше. Детские глаза чистые, как бы не испугался. Лучше вернуться, когда всё кончится. Я пойду, подсоблю, а как управимся — за вами пошлю.

Ду Чжунпин горячо поблагодарил. Невестка Ван наказала Дачжу присмотреть за гостем да за братом и отправилась помогать.

Ду Чжунпин вполголоса беседовал с братьями и про себя удивлялся: ребята в крестьянских семьях и впрямь рано взрослеют. Дачжу уже в поле работать ходит, даже Эрчжу по мелочи помогает — на улице побегает, кузнечика поймает, так и кур кормит. Жить умеют.

Вскоре Цзинь-эр проснулся, немного помялся на руках у Ду Чжунпина, затем окончательно пришёл в себя. Эрчжу, впервые увидев такого беленького, булочкой, малыша, сгорал от любопытства. Глядел, как тот возится у отца на руках, а тот не только не ругает, а ещё и ласково приговаривает. Вот уселся малыш на канг построже — и тут же получил от отца пару звонких поцелуев в щёки. Наконец Ду Чжунпин достал из рукава свёрток в масляной бумаге и положил перед сыном.

Цзинь-эр пухлыми ручками развернул бумагу, увидел печенье, которое пробовал пару дней назад, — мягкое, сладкое — и просиял. Но, взглянув на Ду Чжунпина и вспомнив отцовы наставления, великодушно предложил угощение всем.

Ду Чжунпин, видя, как сын ведёт себя, расцвёл от гордости — вот он, плод воспитания, просто умничка!

Дачжу с Эрчжу такого никогда не ели. Старший, по возрасту уже стесняясь, не решался брать у малыша, младший же с тоской смотрел на брата. Невестка Ван держала детей в строгости, выпрашивать еду у чужих запрещала наотрез — попадало бы сильно.

Ду Чжунпин, заметив это, протянул каждому по кусочку:

— Попробуйте, ваш дядя Ань готовил. Ешьте спокойно, пустяк, даже если бы мать ваша здесь была, ничего бы не сказала.

Поскольку они со старостой были на равных, Ду Чжунпин, хоть и ненамного старше, для Дачжу приходился дядей.

Дачжу, зная, что семьи дружат, кивнул и взял. Трое детей принялись за печенье.

Для Ду Чжунпина в этом угощении не было ничего особенного — просто тонко смолотая кукурузная мука, смешанная с пшеничной, да побольше сахара; дома только Цзинь-эр такую сладость любил. А для Дачжу с Эрчжу, в доме которых экономили на всём, подобные лакомства были редкостью, потому ели они с великим удовольствием.

Из-за этого печенье Эрчжу проникся к Цзинь-эру симпатией, и скоро малыши уже играли вместе. Ду Чжунпин был только рад — пусть сын общается с бойкими ребятами, а то слишком уж тихий растёт.

Дачжу, беседуя с Ду Чжунпином, краем глаза следил, чтобы малыши с кана не свалились.

Солнце поднялось в зенит — пора, наверное, садиться за стол. За Ду Чжунпином и Цзинь-эром пришёл Фан Шэн. Ду Чжунпин решил взять Дачжу с Эрчжу с собой.

Старший сначала отказался: на таких застольях женщины и дети за общий стол не садятся, обычно им оставляют еду на кухне, а в бедных семьях и того не доставалось.

Фан Шэн, сразу поняв причину, усмехнулся:

— Иди с братом спокойно. Взрослые в нашей комнате с дядей Чжао Ба и дядей Анем пьют-закусывают, а мы будем в комнате твоего дяди Чжунпина — к ним не относимся. Да и мать твоя там. Не бойся, я за тебя поручусь.

И повёл всех обратно.

Ещё не доходя до ворот, они услышали из комнаты Чжао Ба крики в азартной игре. Компания прошла прямо во двор Ду и направилась в дом — есть.

Хотя Ду Чжунпину с Фан Шэном тоже полагалось быть среди гостей, первый из-за старых недугов пить не мог, а со вторым присутствующие чувствовали себя скованно, не могли раскрепоститься. Потому они и остались с детьми — и им спокойнее, и другим вольготнее.

В комнате Ду на полу уже стоял стол, за которым невестка Ван с несколькими помогавшими женщинами ели и болтали — Фан Шэн, уходя за Ду Чжунпином, специально попросил её за хозяйку присмотреть. Увидев входящих, женщины поставили на канг низенький столик, а кто-то сбегал на кухню за подогретыми кушаньями.

Невестка Ван, заметив своих сыновей, ахнула:

— Зачем вы их привели? Дома своё есть, куда ещё тащиться? Мы прямо всей семьёй нахлебниками стали!

Фан Шэн махнул рукой:

— Не твоя забота. Места хватает, детям вместе веселее, кто станет языком чесать?

Невестка Ван в душе была рада, просто боялась пересудов, потому и ворчала для виду. Остальные её тоже успокоили, и на том улеглось.

Фан Шэн с Ду Чжунпином устроились с детьми на кане. Ду Чжунпин сначала принялся кормить Цзинь-эра — выбирал тушёное мясо помельче, пожиже. Заметив, что двое других не решаются брать с блюд, понял: в семье старосты дисциплина строгая — какой же деревенский ребёнок мяса не любит? Разве что в богатых домах, где жиру пресытились.

<http://bllate.org/book/16286/1467483>